

Оба пришельца принадлежали к клану Серых Волков.

Один из них остался с обрубком вместо хвоста, второй — со рваным, усечённым ухом. В свое время они получили тяжелые увечья на племенной охоте, и жрец, рассудив, что толку от калек больше не будет, безжалостно изгнал обоих вон.

Братьям, впрочем, улыбнулась удача: они забрели в земли, кишашие длинноухими зверями. Длинноухие звери — самые глупые, эти твари попадались целыми выводками. Волки отъедались до отвала, потихоньку зализывали раны и кое-как выкарабкались с того света. Несколько лет этот угодливый край спасал их в Сезон Снегов.

Но в этом году удача отвернулась. Запасы подошли к концу — братья подчистую истребили всю местную дичь. Еды катастрофически не хватало, и едва минули первые два месяца морозов, как голод погнал их на поиски добычи.

На Золотом Континенте дичи и в тёплые времена водилось немного, а на Восточных Территориях — и подавно. Зимой же встретить в тайге хоть какую-то живность считалось истинным милосердием Божественного Зверя. Ведомые лютым голодом, волки взяли след Цина.

Чужаки вторглись с самого запада его владений и, почуяв запах хозяина, потянулись дальше на север. Вторжение на чужие земли без дозволения считалось прямым объявлением войны. Братья понимали: они рискуют головой ради горстки мяса, но отступить не собирались.

Лучше пасть в бою, чем сдохнуть от голода!

Тем временем в пещере Цин наглухо завалил вход, оставив лишь узкую отдушину, в которую не пролез бы ни один оборотень. Сложил внутри весь припас, необходимый Сюй Шуанцы на первое время, а соседний грот со складскими запасами заблокировал ещё надежнее.

Цин отсутствовал уже два дня. Опасность привлечь хищников запахом жареного мяса заставляла Сюй Шуанцы экономить и перебиваться скудной пищей.

Пока Большой Кот оставался рядом, одиночество не давило. Первобытный страх перед чужим миром блекнул, вытесненный заботами и общением с этим удивительным зверем. Но стоило пещере погрузиться в молчание, как Сюй Шуанцы остался один на один с удушающей тревогой о будущем.

Раньше он знал: работа даёт кров и кусок хлеба. А теперь? Цин хоть и умеет говорить, но остаётся диким зверем. Неужели всю оставшуюся жизнь придется перебиваться вот так — дикарем в шкурах, без цели, без надежды?

Понимая, что снова загоняет себя в тупик самоедства, Сюй Шуанцы взялся за гибкие лозы. Ручная работа всегда успокаивала. Пальцы быстро вспомнили привычные движения: плетение ложилось ровно, и постепенно из гибких прутьев вырисовывался небольшой плетёный столик, похожий на чайный.

Сводимый голодом желудок заставил оторваться от работы. Заглянув в верхнее вентиляционное отверстие, Сюй Шуанцы понял, что снаружи снова стемнело. Шёл третий день. Цин должен был вот-вот вернуться.

Отложив недоплетённый столик, Сюй Шуанцы потянулся, разминая затекшее тело, и направился в угол за сладким корнем. Однако не успел он коснуться припасов, как загрибок обдало ледяным холодом. Волосы встали дыбом.

Он резко вскинул голову к щели под потолком.

Из тьмы на него уставились две пары фосфоресцирующих зелёных глаз.

— Нашли.

— Тут ещё и сувоборотень.

Ноги Сюй Шуанцы мгновенно стали ватными, по спине прокатилась волна липкого пота. Осознав, что пришельцы явились далеко не с миром, он сжал зубы до хруста, схватил увесистый дрючок и со всей силы ткнул им в щель.

Пальцы, сжимавшие древесину, побелели от напряжения. Он лупил наугад, слепо и яростно.

Снаружи донеслись два болезненных вопля, а затем — глухой шум падения тяжёлых тел на снег.

Сюй Шуанцы тяжело дышал, не выпуская из рук палку. Чувствуя, что этого мало, он метнулся к очагу и сграбастал каменный нож. Сколько слоев завала навалил Цин снаружи, продержится ли заслон — юноша не знал. Пересохшее горло сжало спазмом. Встав за выступом стены в слепой зоне от входа, он замер.

Считывать угрозу оставалось только на слух. Надежда была только на себя.

Первичный испуг уступил место холодной собранности. За стеной царил тишина.

Тем временем двое волков, едва не лишившихся глаз от внезапного выпада, кубарем скатились по заснеженному завалу из камней и веток.

Пугливый Хуэй Эр от ужаса поджал хвост и вознамерился дать дёру.

Хуэй И пришлось прыгнуть вслед за братом и перерезать ему путь.

— Хуэй Эр! Ты куда мылишься?! — рявкнул он вполголоса.

— Не убьют, так покалечат! — взвизгнул Хуэй Эр, зарываясь головой в сугроб и выставив наружу лишь дрожащий задок.

Хуэй И цапнул бестолкового родича за хвост и выдернул из снега:

— Дурина! Тигра тут нет!

Он поволок брата за хвост обратно к пещере.

— Мы столько времени потратили на поиски! Надо живо убирать добычу, пока этот полосатый дьявол не вернулся, иначе нам обоим крышка!

Хуэй Эр наострил рваное ухо, прислушиваясь к шорохам ночи. Тонкие лапы всё ещё подрагивали, и он попытался освободить хвост из пасти брата:

— Брат, отпусти хвост...

— Живее пошёл! — зарычал Хуэй И, устремляясь назад.

Хуэй Эр поплёлся следом, пробормотав:

— Но там же внутри сувороротень... И такой красивый.

— Ты что, в партнёры его захотел?!

— Я сожрать его хочу!

Братья переглянулись и в считанные секунды снова оказались под стеной пещеры.

Только поблизости становилось понятно, насколько на совесть Цин запечатал жилище. Склон перед входом представлял собой трёхметровую насыпь из слежавшегося снега, валунов и коряг. Вентиляционную щель наверху перекрывал густой лапник. Лишь благодаря острому нюху и зверскому чутью волки смогли унюхать слабый дух дыма и выйти на след.

— Как пробираться будем?

— Раскапываем сверху!

Уши Сюй Шуанцы уловили шуршание.

Он подскочил к очагу, подхватил тлеющую головню, пододвинул чурбаны и, взобравшись на них, осторожно заглянул в щель.

Чужаки уже карабкались наверх. Две пары зелёных огней приближались, полыхая хищным азартом.

Затаив дыхание, юноша дождался, пока морды тварей подберутся вплотную, и изо всех сил ткнул горящим факелом прямо в темноту.

— У-а-а-у!

— Заткнись!

Волчий вой!

Сюй Шуанцы мгновенно прыгнул вниз и снова укрылся за каменным выступом. Спина липла к холодной скале, сердце бешено колотилось в груди.

Пронзительный вой эхом разнёсся над заснеженным лесом.

Цин, успевший добраться до берега речки, резко вскинул голову. Забыв про усталость, он рванул к пещере во весь опор. В янтарных глазах полыхнула лютая, темная ярость, смешанная с лихорадочным страхом.

— Брат! Брат, у меня мозги закипели! — Хуэй Эр катался по снегу, скуля и хватаясь лапами за обожжённую морду.

Хуэй И сжал зубы и принялся ожесточенно разгребать камни. Вскоре верхняя часть завала просела.

Слыша, как рушится барьер, Сюй Шуанцы судорожно искал выход. Волки боятся огня... Точно, огонь!

Он метнулся к печи, зачерпнул черпаком горячую золу с углями, взобрался наверх и плеснул прямо в морды нападавшим.

— Брат! Огонь! На тебе шкура горит!

Хуэй И повалился в сугроб, сбивая пламя. Вынырнув из снега, он оскалился в щель:

— Лучше сиди тихо, паршивец! Вот раскопаем лаз — сожрём живьём!

Сюй Шуанцы лишь сильнее сжал черенок черпака. Не обращая внимания на ожоги, он бросал в проём всё подряд: угли, горящие щепки, снова тыкал горящими дрючками. Главное — выиграть время!

Волкам пришлось ненадолго отступить.

Хуэй Эр дважды оглушительно чихнул, поводя опалёнными усами:

— Брат...

— Налегай! Быстро! — рявкнул Хуэй И.

Уголья в очаге гасли, запас горячих угликов истощился. В четыре лапы волки мгновенно разворотили остатки завала, и каменная пробка с грохотом обвалилась внутрь.

Когда первая туша ворвалась в пещеру, Сюй Шуанцы изо всех сил обрушил на неё палку.

— Заткнись ты! — Хуэй И свирепо оскалился и защёлкал клыками, норовя вцепиться юноше в запястье.

Сюй Шуанцы отчаянно замахал каменным ножом.

— Брат!

— Хватай припасы!

В темноте пещеры Сюй Шуанцы оказался прижат к каменному полу. Огромная туша навалилась сверху, стальными лапами придавив его руки. Волк был огромен — гораздо крупнее любых зверей, которых Сюй Шуанцы видел в прежней жизни.

В борьбе с диким хищником у человека не оставалось ни единого шанса. Под тяжестью оборотня Сюй Шуанцы не мог даже шевельнуться. Второй волк метнулся вглубь пещеры и вскоре вернулся:

— Брат, тут почти пусто!

— Ищи! Где-то рядом заначка!

Хуэй И придавил когтем горло Сюй Шуанцы:

— Говори, где мясо?

— Пошёл к чёрту! — выкрикнул Сюй Шуанцы.

— Брат!

— Заткнись! Сам носом покрути, разиня! Встань на него!

Волки сработали оперативно. Нащупав соседний грот-склад, они поволокли оттуда туши.

Сюй Шуанцы бросили у разрушенного входа, связав гибкими стеблями. Сквозь брешь в пещеру ворвался ледяной сквозняк.

Юношу колотило, зубы выбивали чечётку, губы посинели, а кожа покрылась крупными пупырышками. Во время драки одежда пропиталась потом, и теперь, на жутком морозе без огня, пещера превратилась в настоящую ледяную ловушку.

Сознание Сюй Шуанцы начал затягивать липкий туман. Переохлаждение наступало стремительно.

— Брат, а с этим что? — замялся Хуэй Эр, указывая на полуживого сувороботня.

— Тебе нужен?

— Я...

— **Р-Р-А-А-АР-Р!**

— БЕЖИМ!!!!

Слепой ужас вышиб из волков остатки разума. Бросив всё, они задали такого дёру, что снег полетел из-под когтей.

Цин выскочил к пещере. Увидев, что чужаки бросили Сюй Шуанцы, он не стал тратить время на погоню и метнулся в разрушенный проход.

Хвост Белого Тигра нервно бился по бокам.

— Сюй Шуанцы!

Сюй Шуанцы казалось, что его обдаёт жаром — верный признак смертельного замерзания. На грани бреда он пытался сорвать с себя промокшую одежду.

Но внезапно его окутало невероятно мягкое, густое и тёплое меховое покрывало.

Сюй Шуанцы тихо застонал, на ресницах блеснули слезы:

— Жарко...

Цин зубами перекусил путлища из лиан, бережно подхватил юношу и перенес на подстилку из сухой травы.

Сняв и разодрав пропотевшие вещи Сюй Шуанцы, Кот сбросил их и укрыл его шкурами, а затем сам улегся сверху, осторожно прижав человека к своему горячему животу.

— Не сдохнешь. Живи, — глухо прорычал Цин, сжимая кольцо лап.

Жар от тигриного брюха работал лучше любой печки. Сюй Шуанцы метался в бреду, то замерзая, то сгорая от лихорадки. Цин напоил его тёплой водой, поднеся деревянную плошку к губам.

С трудом сглотив влагу, юноша снова зарылся лицом в шелковистую шерсть.

В какой-то момент, сквозь пелену слабости, Сюй Шуанцы приоткрыл глаза. На мгновение ему показалось, что над ним склонился обнажённый длинноволосый красавец с невероятным взглядом.

«Сон?..»

Цин бросил сухие ветви в очаг, раздул пламя и снова перекинулся в тигра, укутывая юношу мохнатым туловищем.

Шерсть на брюхе зверюги была мягкой и тёплой. Сюй Шуанцы пролежал так до середины ночи, пока к нему не вернулись силы.

Огонь в пещере весело трещал. Высвободив руку из-под тяжелой лапы Тигра, юноша уткнулся носом в его густую шерсть на груди и тихо позвал:

— Большой Кот... Ты вернулся.

Голос его звучал совсем слабо.

Цин шершавым языком провел по его щеке. Желтые тигриные глаза налились тонкими нитями кровавых прожилок.

— Не сдохнешь.

— Не сдохну, — бледные губы Сюй Шуанцы тронула тихая улыбка.

— Брат! Брат! Он не гонится! Всё, я больше не могу! — Хуэй Эр рухнул брюхом на снег, вывалив язык и тяжело дыша.

— Вставай, кому говорю! Бежим! — Хуэй И дал ему ощутимый пинок задней лапой.

— Но тигр же не...

— А ты подумай своими куриными мозгами: что он с нами сделает, когда поймёт, что мы тронули его партнёра?! — зарычал Хуэй И.

В мире оборотней это каралось куда страшнее, чем банальная кража мяса.

— Б-брат... я жрать хочу...

— Ты меня в гроб сведёшь!

— Но я правда очень голоден...

Хуэй И рывкнул во всё горло:

— Жри на ходу, идиот!